

MGH SS. – T. II. – S. 253: «Northmanni 4 Kalendas Aprilis Deas monasterium succendunt»; Annales Lobiensium fragmentum. 1. Fragmenta ab a. 741–870, s. a. 850 // MGH SS. – T. II. – S. 195: «Canda oppidum vastatum est a Normannis»; Annales Leodienses, s. a. 853 // MGH SS. – T. IV. – S. 14: «Nortmanni fines Franciae depopulantur»; Annales S. Maximini Trevirensis a. 708–987, s. a. 882 // MGH SS. – T. II. – S. 213: «Nortmanni Treverim cum monasterio sancti Maximini, vastantes Galliam, cremaverunt»; Annales Sancti Maximini Trevirensis, s. a. 882 // MGH SS. – T. IV. – S. 6: «Nortmanni Treverim cum monasterio sancti Maximini vastantes, Galliam cremaverunt»; Chronicon S. Martini Coloniensis a. 756–1021 // MGH SS. – T. II. – S. 214: «...Deinde abbas factus est Gotfridus mortuus 3 Idus Maii sub annum 882, quo tempore monasterium Nortmannorum irruptionibus vastatum fuit»; Annales Lemovicenses a. 838–1060, s. a. 887 // MGH SS. – T. II. – S. 251: «...monasterium sancti Germani a Nortmannis incensum est»; s. a. 889. – S. 251: «Nortmanni iterate Autissiodorum repetentes, suburbana eius incenderunt»; Annales Besuenses, s. a. 891. – S. 248: «Burgundia a Normannis vastatur».

⁷ См.: Annales Besuenses, s. a. 888. S. 248: «Fons Besuus per tres dies a Normannis depopulatus est; et occisi sunt in monasterio Petri Besuensis monachi, quorum ista sunt nomina: Ayrmannus, Genesius, Beraldus, Sifardus, Rodgo, Aussuinus presbiter, Adalricus puerulus»; Annales Wirziburgenses a. 687–1101, 1480, s. a. 891 // MGH SS. – T. II. – S. 241: «Sunderoldus Moguntiacensis episcopus Wormatiae a Nortmanis occisus est»; Annales Alamannici. Continuatio Sangallensis tertia a. 882 – 912 et 926, s. a. 891 // MGH SS. – T. I. – S. 52: «Sunzo archiepiscopus a Nordmannis occisus»; Annales Laubacenses. Pars tertia a. 887–926, s. a. 891 // MGH SS. – T. I. – S. 52: «Sunzo archiepiscopus a Nordmannis iteremptus est»; Annales Colonienses Brevissimi a. 814–870 // MGH SS. – T. I. – S. 97: «Nordmanni Colonia occisi»; Chronicon Aquitanicum, s. a. 845. – S. 253: «...et Sanctonas urbs concrematur, thesaurus eius obtimis exportatis»; s. a. 853. – S. 253: «Lucionnus mense Maio a Northmannis exuritur, et mense Iunio sancti Florentii monasterium et Namnetis civitas, Turonis quoque exuruntur»; Annales Colonienses a. 770–1028, s. a. 884 // MGH SS. – T. I. – S. 98: «Sedes Norhmannonum in Duisburg».

⁸ См.: Chronicon Aquitanicum, s. a. 845. – S. 253: «Sigonius comes a Northmannis capitur et occiditur...»; Annales Alamannici, s. a. 886. – S. 52: «Heimrihcus dux a Nordmannis occisus est».

⁹ См.: Annales Xantenses, s. a. 873. – S. 235: «Ac non post multum temporis Ruodoldus, nepos praedicti tyranni, qui transmarinas regions plurimas, regnumque Francorum undique atque Galliam horribiliter, et pene totam Fresiam vastavit, in eadem regione in pago Ostachia ab eadem gente cum quingentis viris agiliter interfectus est, et quamvis baptizatus esset, caninam vitam digna morte finivit».

¹⁰ См.: Annales Alamannici, s. a. 891. – S. 52: «Arnulfus rex de Nordmannis triumphavit»; Annales Laubacenses, s. a. 891. – S. 52: «Arnolfus rex de Nordmannis triumphavit»; Annales sanctae Columbae Senonensis a. 708–1218, s. a. 911 // MGH SS. – T. I. – S. 104: «Hoc anno 13 Kal. Aug. in sabbato cum obsiderent Nortmanni Carnotiam urbem, et iam penitus esset capienda, supervenientes Richardus et Rothbertus comites, omnipotentis Dei auxilio et beatae Mariae patrocinio roborati, fecerunt stragem maximam paganorum, a paucis qui remanserant obsides capientes».

В. В. Долгов

**РУССКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ
ЭЛЕМЕНТОВ СОЗНАНИЯ НАРОДА ДРЕВНЕЙ РУСИ XI–XIII ВЕКОВ:
К ВОПРОСУ ОБ ЭПИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ СОЦИАЛЬНОГО БЫТА**

Исследуются элементы социального мировоззрения народной массы Древней Руси XI–XIII вв., сохранившиеся в русском героическом эпосе. Автор уделяет особенное внимание анализу образа древнерусских богатырей, в котором сочетаются «аристократические» и «демократические» элементы. В статье проводится социальная атрибуция этого уникального сочетания.

Ключевые слова: Древняя Русь, героический эпос, былины, картина социального мира, свободные общинники, богатыри.

Использование эпического материала для реконструкции социальной психологии эпохи Древнего Киева сопряжено со многими трудностями. Одна из наибо-

лее серьезных следующая: подавляющее большинство ученых признает, что эпос – продукт многих эпох¹. Кроме того, как не без некоторых оснований утверждает В. П. Аникин, «на устное произведение ложится печать того, что присуще среде, в которой бытует произведение. Одновременно устное произведение утрачивает черты, не характерные для среды, в которой оно бытует»². Таким образом, если следовать намеченной логике, былины, запись которых происходила в основном в конце XIX – начале XX в.³, не могут нести в себе ничего, что говорило бы об эпохе, их породившей. Во всяком случае, ничего конкретного.

Этот вывод, однако, явно абсурден: действие былин происходит, несомненно, в древних городах (Киеве или Новгороде). Вполне узнаваемы многие реалии, имена некоторых персонажей четко коррелируют с именами исторических деятелей и пр. Значит, мы не вправе пренебрегать информацией, содержащейся в этом виде источников. Нужно только искать адекватные методы ее «извлечения». В поисках метода иногда может помочь повторный анализ старых и, казалось, давно «отработанных» теорий. К числу таких теорий относится и так называемая теория аристократического происхождения эпоса, которая разрабатывалась в начале нынешнего века знаменитой «исторической» школой. Вкратце суть ее заключалась в обосновании версии, согласно которой былины возникли в X–XIII вв. в аристократической княжеско-дружинной среде. Бытовали первоначально при дворах средневековых владетельных особ и только потом «спустились» в простонародье, где их и обнаружили современные собиратели фольклора.

Первым эту мысль высказал в 1911 г. В. А. Келтуяла⁴, затем она была поддержана главой исторического направления фольклористики В. Ф. Миллером. Он считал, что «согласно историческому характеру этих песен нужно думать, что они были слагаемы и распространялись в среде населения, ближе стоявшего к княжескому двору и дружине»⁵. Впоследствии эта точка зрения обрела большое количество сторонников, стала почти аксиомой. Однако уже в советское время, в 30-е гг., из этого постулата были сделаны неожиданные выводы. В духе того времени к былинам начали было относиться как к «продукту культуры эксплуатирующего класса» – то есть, понятно, отрицательно. Даже для сталинской эпохи это было то, что называется «явный перегиб». «Перегибы» полагалось исправлять. Это было сделано, но опять же в духе времени: теория аристократического происхождения эпоса была объявлена «вульгарно-социологической», а исследователи, придерживавшиеся ее, подверглись сокрушительной критике со страниц «Правды»⁶. Тут-то теории и пришел конец. Ни о каком дальнейшем ее развитии не могло быть и речи. Ученым от лица «общественности» предложено было в спешном порядке пересмотреть свои воззрения. Показательно изменение взглядов Ю. М. Соколова – один из многих, ученый вынужден был заняться «самокритикой»⁷.

Несомненно, что с научной точки зрения «аристократическая теория» и вообще все наследие «исторической школы» требовали коренного пересмотра, но поспешное и далеко не академическое уничтожение целого направления в науке привело к тому, что и противоположная точка зрения, развиваясь в условиях отсутствия критики, часто аргументировалось достаточно слабо. Порой дело не шло дальше формальных деклараций.

Со временем, однако, первоначальные недостатки были преодолены. Народ и, прежде всего, демократические его слои, был восстановлен в правах авторства. Но так и остались необъясненными те характерные черты эпоса, которые и подвигли В. Ф. Миллера, В. А. Келтуялу и их последователей идентифицировать его с дружинной средой. Образ богатыря – тяжеловооруженного конного воина, за-

щитника страны, со своими представлениями о чести, о долге, с известной гордостью, доходящей у некоторых героев до зазнайства, – определенно рождает в уме современного читателя отчетливые ассоциации с западноевропейским рыцарством. В то же время среда бытования эпоса – исключительно простонародная, по крайней мере, на момент записи. Имеет место явное противоречие, требующее объяснения.

Справедливости ради следует отметить, что эта проблема, хотя и смутно, беспокоила некоторых исследователей⁸, но удовлетворительного разрешения так и не нашла. Противоречие либо игнорировалось, либо получало достаточно странные объяснения, как у Ю. И. Смирнова. Этот исследователь считал, что «социальные низы в фольклорных произведениях выражали свои представления о феодальных верхах. Но подлинной причиной было, как правило, не желание холопа воспеть своего господина, а «стремление понять социальное поведение феодала в его наиболее типичных проявлениях, потребность использовать это знание (в том числе посредством мятежей и восстаний) и передать его следующим поколениям. В этом, в частности, заключается общественно познавательная значимость эпических песен»⁹. Таким образом, по мнению Ю. И. Смирнова, те, кого он называет «социальными низами», исполняли песни о Добрыне Никитиче, об Илье Муромце, о Вольге – «феодалах» – лишь для того, чтобы «знать врага в лицо». Поверить в это трудно. Вопрос так и остался без ответа. По-видимому, в данном случае имела место та самая ошибка, против которой в свое время предостерегал Ю. М. Лотман: «Исследователь прошлых культур сплошь и рядом поступает в этом случае просто: тексты исторически прошедших эпох он погружает в свой собственный мир бытовых представлений, пользуясь этим последним как ключом для расшифровки первого. Некорректность такой методики столь же очевидна, как ее широкая распространенность»¹⁰.

Чем же все-таки объясняются «аристократические», *на взгляд современного человека*, «замашки» русских богатырей? Попытаемся установить, в культурном контексте какой эпохи социально-психологический образ богатыря выглядит непротиворечиво. Для этого попробуем взглянуть на известный материал поновому. Следуя за развитием обычного для эпоса сюжета о первой поездке в Киев, проанализируем, какими особенностями поведения и мировоззрения народ наделил своих героев.

Итак, богатырь выезжает из родного дома, богатого, как у Добрыни Никитича или бедного, как у Ильи Муромца. Большинство былинных циклов начинаются с этого. Что гонит их в дорогу? Внешних причин покинуть родной дом нет никаких. В вынужденные путешествия пускаются обычно персонажи сказок. Здесь же «добра молодца» никто никуда не посылает, ничего конкретного он не ищет, невеста ему пока что тоже не нужна. Он едет «в чисто поле» с единственной целью – «погулять», то есть поискать возможности показать удаль, проявить себя в деле. В будущем герое бродит нерастраченная энергия, требующая выхода. В целом, персонаж похож психологическим складом на гумилевского «пассионария». Можно назвать такую натуру «человеком с активной жизненной позицией». Он еще не знает точно, на что сгодится его богатырская мощь, но она требует действия.

Сразу обращает на себя внимание непохожесть эпического образа на привычный портрет русского народа, как он изображался Н. А. Бердяевым¹¹, – никакой пассивности, никакой женственности. Деятельная инициативность былинных героев прямо противоположна характеру сказочного Емели, «по щучьему велению» решающего проблемы не сходя с печи. Это признак богатырства: *герой не может быть инертен* (Илья Муромец стал богатырем только слезши с печи).

Отметим себе эту особенность как первую социально-психологическую черту, выразившуюся в характере эпического персонажа. Идем далее.

Очень скоро беспредметная активность обретает форму. Герой едет в Киев, ко двору «ласкового князя да Владимира». Князь воспринимается, во-первых, как потенциальный «работодатель» для удалого молодца, способный оценить его по достоинству. Во-вторых, как податель разнообразных милостей, которые будут достойной ему наградой. Но главное, вокруг князя собираются другие богатыри. Цель у него теперь «людей посмотреть – себя показать». Стольный Киев-град, двор князя – воплощение общества, к участию в жизни которого богатырь стремится. То есть активность получает четкую *социальную направленность*. Он живет общественными интересами, он социально активен – это вторая важная черта его облика. Единственное исключение – Святогор. Но то, что он вынужден бродить по Святым горам, то, что его «не держит земля», – в контексте песни воспринимается как трагедия. Примечательно, что даже такой древний, наделенный многими волшебными способностями, мифологический по своему происхождению персонаж, как Волх Всеславич, управляющий своей дружиной и ни в ком не нуждающийся, и тот оказывается не чужд интересам Киева. Свой поход «на царство индейское, на царя Салтыка Ставрुльевича» он затевает потому, что

Индейский царь наряжается
А хвалится – похваляется,
Хочет Киев-град за щитом взять,
А божия церкви на дым пустить
И почестныя монастыри разорить¹².

Безусловно, этот патриотический мотив был приписан витязю-оборотню гораздо позже породившей его мифологической эпохи, но для нас это значения не имеет. Главное, что в эпосе герой не мыслится живущим вне общественных и даже государственных интересов. Какой бы древний герой или эпизод не был включен в песенную традицию, он переделывался, переосмыслился таким образом, чтобы в нем звучала социальная тематика. Древняя мифологическая борьба со Змеем превращалась в месть за разграбление города и освобождение полона. Поиск невесты обретает вид визита в соседнее государство для установления дипломатических отношений (былина о Дунае). Женитьба, важней и интересней которой для человека первобытного и вообразить было ничего нельзя, теперь волнует не так сильно.

Особенно ярко отпечаток, накладываемый гражданской жизнью, виден в некоторых сюжетах о поступлении на княжескую службу. В эпосе это происходит обычно следующим образом. Кандидат в богатырское братство является на двор к князю, совершив к тому времени что-нибудь замечательное по своему почину по дороге в Киев. Там уже сам Владимир дает какое-нибудь задание, исполнением которого новичок доказывает, что он действительно богатырь. То есть в былинах, чтобы войти в богатырскую дружину, как правило, требуется совершить два подвига¹³. Показательной является качественная разница между первым и вторым. Первый подвиг, как правило, носит характер простого удалства: Добрыня просто так, безо всякой цели, вступает в конфликт со Змеем и топчет его детенышей; Алеша Попович убивает никого не трогающего, а иногда даже спящего Неодолица. А второй – «общественно полезный»: Добрыня, во второй раз сражаясь со Змеем, вызволяет былинную княжескую племянницу Забаву Путятишну и прочих пленников; Алеша освобождает Киев от Тугарина. Таким образом, молодецкой прыти дается патриотическое направление.

Следует обратить внимание на то, что патриотизм в эпосе присутствует не столько в виде осознанного убеждения, а как глубинная определяющая черта мировоззрения. Без дополнительных пояснений и сказитель, и слушатели понимают: герой выше ходячих истин филистерского сознания, выраженных пословицей «своя рубашка ближе к телу». Участие в делах общества и государства становится для героя смыслом жизни. Это может вызвать удивление. Развитое гражданское, политическое сознание не относится сегодня к общепринятым добродетелям русского народа. Об этом писал, например, известный философ Н. О. Лосский. Он считал, что русский человек относится к государству как к некоей внешней силе¹⁴. Ныне эта точка зрения стала расхожей. Таким образом, герой эпоса никак не вписывается в современность. Государство и власть для него – не чуждый монстр. В этом смысле характеры сказочных персонажей выглядят реалистичнее, так как они более эгоистичны, ни за что не отвечают и стремятся лишь к собственному благополучию. А герой эпоса ощущает ответственность. Интересы «земли Свято-русския» ему ближе личных. Он руководствуется соображениями безопасности Киева, даже преодолевая личную неприязнь к князю Владимиру. Без этого богатырь перестает быть Героем, а эпос превращается в сказку или балладу. Как известно, общественное сознание отражает исторический путь народа¹⁵. Отношение к власти как к внешней силе, описанное Н. О. Лосским, не случайно. Очевидно, основания для этого у народа были. Итак, вопреки мнению В. П. Аникина, былинный воин не впитал в себя черты политического сознания позднейшей эпохи. Но из какого же он времени? Из какого социального слоя? Продолжим анализ.

Единственное, что может сравниться с патриотическим мотивом в русских былинах, – это мотив богатырского достоинства и чести. Богатыри горды и обидчивы – «запальчивы». От этой стороны их образа веет настоящим средневековым. Дунай убивает свою жену, обидевшись на нее за то, что она, как выяснилось, лучше стреляет из лука. Мужское самолюбие не вынесло. Оскорбление не прощается никому. И даже такой спокойный и умудренный эпический герой, как Илья, когда дело касается чести, проявляет очень крутой нрав. Если оскорбление исходит от князя, обиженный, он либо устраивает пир для «голи кабацкой», либо отказывается защищать Киев от внезапно появившегося врага. А если от богатыря – дело решается поединком. Бьются между собой два «главных» витязя русской поэтической традиции – Добрыня Никитич и Илья Муромец. Бьются из-за того только, что о Добрыне пошла слава, что он большой мастер бороться. Илья воспринял это как вызов:

Уж те полно, молодец, ездить, потешатисе,
Небылими словами похвалятисе!
Уж мы съездимсе с тобой на поле, побратаемсе,
Ай кому-то де на буде божья помощь.
Услыхал-то Добрынюшка Микитич сын,
Ото сна будто Добрынюшка пробуждаеся,
Поворачивал своего коня доброго.
А как съехались богатыри на чистом поле,
Ай ударились они палицами боевыми,
И друг дружки сами они не ранили.
Как тут съехались во второй након,
Ай ударились они саблями-то острыми
Они друг дружки сами не ранили.
А как съехались богатыри в третий након,
Ударились ведь копьями бурзаметскими...¹⁶

Впечатление, производимое эпической картиной боя, если и не позволяет присоединиться к выводам «исторической» школы, то делает очень понятной отождествление богатырей с классической феодальной аристократией Европы, Передней Азии и Японии, как мы привыкли ее себе представлять. Нам пришлось бы признать справедливость «аристократической теории», если бы не одно «но». Дело в том, что при вполне «рыцарском» поведении богатыри совершенно демократичны по своему социальному мировоззрению и политическому сознанию.

Попробуем взглянуть на Киевское общество изнутри глазами эпического героя. В этом взгляде для нас должны объединиться в единую картину все отмеченные нами ранее особенности его образа.

Прежде всего, следует отметить, что сам он *не причисляет себя к социальной верхушке* – князья и бояре для него «они». В то же время его собственное положение отнюдь *не представляется ему приниженным*. Чувство собственного достоинства, основанное на понимании своей роли в жизни города, выражено четко. Если к богатырю проявляют неуважение, он, как уже говорилось, вполне может ответить в том смысле, что «сами тогда и воййте». Но Киев не остается без защиты. При этом ответственность, лежащая на нем, позволяет в трудные минуты не особенно считаться с князем, к которому в обычное время отношение сдержанно-уважительное. Владимир Красно Солнышко вынужден покоряться. Важной особенностью мировоззрения богатыря является то, что в собственных его глазах главным адресатом службы является не князь, а Киев. Этим русский эпический воин в корне отличается от графа Роланда, для которого центр мира – «король могучий Карл, властитель милой Франции прекрасной». В перечне ценностей, подлежащих защите, князь с княгиней упоминаются последними:

Вы постоите-тко за веру за отечество,
Вы постоите-тко за славный стольный Киев град,
Вы постоите-тко за церкви-ты за божию,
Вы поберегите-тко князя Владимира
И со той Опраксой королевешной!¹⁷

Тип мировоззрения богатырей таков, что они воспринимались народом как свои, равные по социальному положению. Илья – «старый казак», «крестьянский сын». А Добрыня, хотя и не из бедной семьи, но и не аристократ. Влюбившейся в него после спасения Забаве Путятишне он говорит:

Ах ты молода Забава дочь Потятчна!
Вы есть нунчу роду княженетского
Я есть роду христианского, –
Нас нельзя назвать же другом да любимым!¹⁸

Итак, перед нами своеобразная социально-психологическая «физиономия». В ней сочетаются не сочетаемые, на первый взгляд, черты: аристократический стереотип поведения и демократическое социально-политическое мировоззрение. Как атрибутировать ее?

Последователи «исторической» школы склонны были видеть в простонародности происхождения и суждений богатырей-дружинников искажение, которое было привнесено в эпос в результате долгого его бытования в «низах».

Но может быть предложено и другое объяснение.

Во-первых, никаких искажений нет. То, что современному человеку кажется аристократическим способом поведения, есть реликт особой ментальности, корнями уходящей в эпоху военной демократии. В рамках нее сложился особый «кодекс чести» свободного человека-общинника, воина, носящего оружие. Связан-

ный с этой ментальностью поведенческий стереотип, будучи законсервирован в аристократической среде, на протяжении всей истории культивировавшей воинские идеалы, дошел до нас под видом «рыцарского» или дворянского. Это и стало причиной путаницы.

Во-вторых, наиболее органично эпический богатырь вписывается в дофеодальную эпоху, когда народ был в подавляющем большинстве свободным и вооружение его было всеобщим, а описанный выше тип сознания имел широкое распространение, – то есть к X–XIII вв., когда каждый полноправный общинник, «людин», активно участвовал в военных операциях. По словам В. И. Сергеевича, «в состав обязательного народного ополчения входили все слои населения, начиная с лучших людей и бояр и оканчивая худшими и смердами»¹⁹. Городские ополченцы, «вои», те же «люди», «кыяне», «новгородци», «суждальцы», ни оружием, ни приемами ведения боя значительно от дружинников не отличались. Не имелось также четких социальных границ. Как показал И. Я. Фроянов, дружина не противостояла народным массам. В низшей своей части она могла пополняться из простонародья. В дружинниках, как и в богатырях, видели «своих». Таким образом, становятся ясны временные и социальные координаты интересующего нас общественно-психологического типа. Он был рожден гражданской жизнью городской волости, требовавшей от каждого свободного общинника военных навыков и открывавшей простор социальной активности.

В-третьих, проблему нельзя считать разрешенной, пока не объяснено, как древняя ментальность сохранилась до наших дней. Механизм, обеспечивший хорошую ее сохранность, видится следующий: Р. С. Липец в своих исследованиях восстанавливала бытовые реалии в эпосе. Она использовала «общие места», устойчивые фрагменты повествования, на которых не сосредотачивалось внимание сказителя, что «способствовало механической консервации их содержания»²⁰. По-видимому, существование эпической традиции поддерживал еще один «консервирующий» фактор. Это жившие в народе представления о том, *как все должно происходить в былинах* (в отличие, например, от сказки), своеобразные «правила игры», которыми вынужден был руководствоваться сказитель, чтобы угодить слушателям. Специфика былевого эпоса такова, что певец помнит не текст песни, а общий сюжет и обладает техникой передачи его особым языком – своеобразными штампами эпической речи²¹. Как известно, язык есть структура, моделирующая сознание²². Благодаря этим штампам выдерживался эпический стиль, а принципы их употребления, парадигматика – это те самые «правила игры». Ими подсознательно руководствовался сказитель. Они-то суть не что иное, как сохранившийся в эпосе древний стереотип мышления.

Народ в былинах вспоминает, прежде всего, о себе. Рассказ о княжеских богатырях-дружинниках воспринимает не как информацию о предках господствующего класса, а о корнях народа в целом. Это не следствие искажений, а исконный, немного, быть может, видоизмененный, социально-психологический портрет основной части древнерусского общества – «людей», полноправных общинников. Он сохранен народной памятью как воспоминание о свободном и благородном прошлом.

Примечания

¹ См.: Смирнов, Ю. И. Славянские эпические традиции / Ю. И. Смирнов. – М., 1974. – С. 30.

² Аникин, В. П. Русский фольклор / В. П. Аникин. – М., 1987. – С. 45.

³ См.: Астахова, А. М. Былины : итоги и проблемы изучения / А. М. Астахова. – М. ; Л., 1966. – С. 112.

- ⁴ См.: Келтуяла, В. А. Курс истории русской литературы. Ч. 1. Кн. II / В. А. Келтуяла. – М., 1911.
- ⁵ Миллер, В. Ф. Очерки русской народной словесности : Былины : в 4 т. Т. 3 / В. Ф. Миллер. – М., 1924. – С. 27.
- ⁶ См.: Соколов, Ю. М. Русский фольклор / Ю. М. Соколов. – М., 1941. – С. 117.
- ⁷ Там же. – С. 118.
- ⁸ См, например: Данилевский, И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (XI–XII вв.) : курс лекций / И. Н. Данилевский. – М., 1998. – С. 280.
- ⁹ Смирнов, Ю. И. Славянские эпические традиции. – С. 5.
- ¹⁰ Лотман, Ю. М. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Вопр. литературоведения. – 1977. – № 3. – С. 151.
- ¹¹ См.: Бердяев, Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – М., 1990.
- ¹² См.: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. – М., 1977.
- ¹³ См. Сходную структуру находим в летописи, в рассказе о Кожемяке. См.: Полное собрание русских летописей : в 43 т. Т. 1. – М., 2001. – Стб. 122–124; Т. 2. – М., 2001. – Стб. 106–108.
- ¹⁴ См.: Лосский, Н. О. Характер русского народа / Н. О. Лосский // Условия абсолютного добра. – М., 1991.
- ¹⁵ См.: Напольских, В. В. Размышления о возможности определения уральского и индоевропейского психологических стереотипов и их предварительное сравнение / В. В. Напольских // Вестн. Удмурт. гос. ун-та. – 1992. – № 5. – С. 7; Милюков, П. И. Очерки истории русской культуры : в 3 т. Т. 2, Ч. 1 / П. И. Милюков. – М., 1994. – С. 14.
- ¹⁶ См.: Былины / сост., вступ. ст., вводные тексты В. И. Калугина. – М., 1991. – С. 285.
- ¹⁷ См.: Гильфердинг, А. Ф. Онежские былины : в 3 т. Т. 2, № 6 / А. Ф. Гильфердинг. – М. ; Л., 1938.
- ¹⁸ Там же. – № 79.
- ¹⁹ Сергеевич, В. И. Древности русского права. Т. 1. – СПб., 1909. – С. 597.
- ²⁰ Липец, Р. С. Эпос и Древняя Русь / Р. С. Липец. – М., 1969. – С. 12.
- ²¹ См.: Азбелев, С. Н. Историзм былин и специфика фольклора / С. Н. Азбелев. – Л., 1982.
- ²² См.: Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М., 1970. – С. 16; Барт, Р. Война языков / Р. Барт // Избранные работы : Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 535–540; Февр, Л. Бои за историю / Л. Февр. – М., 1990. – С. 100; Почепцов, О. Г. Языковая ментальность : способ представления мира / О. Г. Почепцов // Вопр. языкознания. – 1990. – № 6.